
УДК 82.0(470.6)

ББК 83.3(235.7)

Ш 57

Шиков К.М.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: kolya_shikov@mail.ru

**К вопросу о формировании творческой индивидуальности
писателя в адыгских литературах
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются этнокультурные особенности и специфика формирования творческой индивидуальности адыгских писателей, создавших неповторимые по художественной форме и содержанию литературные произведения, делается попытка выявить особенности и причины феноменальности русскоязычного творчества национальных писателей. Основной исследовательский интерес сосредоточен на литературном процессе XIX – первой половины XX столетия.

Ключевые слова:

Творческая индивидуальность, литературный процесс, эстетическая система, этнокультурная специфика, иноязычное творчество, адыгское русскоязычие, актуализация, формирование, художественное сотворчество.

Shikov K.M.

Doctor of Philology, Professor of Russian Philology Department, Adyghe State University, e-mail: kolya_shikov@mail.ru

**On formation of creative identity of the writer
in the Circassian literatures**

Abstract:

The paper examines the ethnocultural features and specifics of formation of creative identity of the Adyghean writers who have created the literary works that are unique in art form and content. An attempt is undertaken to disclose the features and the reasons of a phenomenal nature of creativity of national writers issuing works in the Russian language. The main research interest is concentrated on literary process of the 19th – the first half of the 20th century.

Keywords:

Creative identity, literary process, esthetic system, ethnocultural specifics, foreign creativity, the Adyghean works in Russian, updating, formation, art coauthorship.

Значение творческой индивидуальности писателя в художественном процессе различных историко-культурных периодов жизни общества трудно пере-

оценить. Оно прежде всего обусловлено тем, что феномен творческой индивидуальности, бесспорно, является важным составляющим эстетической системы лю-

бого литературного направления. Только этим, на наш взгляд, и объясняется тот факт, что многие учёные не только в нашей стране, но и за её рубежами уже на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 60-х годов прошлого века, систематически и всерьёз обращаются к данной проблеме.

Один из крупнейших исследователей психологии литературного творчества, болгарский учёный Михаил Арнаудов, пишет: «Развитие научной психологии при рассмотрении художественного открытия всюду ведёт к полному торжеству принципа естественного зарождения, к строгому детерминизму, неизбежному и при чисто историческом и социологическом объяснении творческой личности» [1: 15]. При том, что у болгарского учёного нет чёткого разграничения понятий «творческая индивидуальность» и «творческая личность» (на наш взгляд, понятие «личность» по содержанию должно восприниматься более широко, чем «индивидуальность»), нельзя не согласиться с его мыслью о неизбежности исторического и социологического объяснения и раскрытия содержания творческой личности, хотя такой подход несколько размывает толкование творческой индивидуальности или до его чисто исторического, или же до его чисто социологического понимания. И, тем не менее, если перенести результаты исследований литературоведов прошлых эпох на исторический процесс зарождения и развития не только русскоязычной адыгской литературы, но и собственно национальной, если применить их «эстетические формулы» для выявления особенностей становления адыгских литератур, можно сделать определённые выводы, касающиеся интенсивности становления и развития более чем сотни литератур, вошедших в научный обиход как младописьменные (в некоторых исследованиях их называют «новописьменными», что, на наш взгляд, не совсем точно отражает суть термина).

Письменная история собственно национальных адыгских литератур начинается с эпохи, принесшей так называемым «окраинным народам» России письменность, - это эпоха революций первых десятилетий двадцатого века. В те годы не без огромных проблем и потерь, но всё же возникали десятки новых национальных литератур, которые вполне естественно становились летописью тех социально-исторических и экономических потрясений, которые происходили на всей территории Российской империи.

Но ещё тысячами ранее культура, нравы, быт и духовная жизнь адыгов получали своё неповторимое отражение в устно-поэтическом творчестве народа, которое со второй половины XIX столетия отчасти принимает характер индивидуального творчества. С конца XVIII века и в первые десятилетия XIX века среди адыгов уже были известны имена талантливых певцов-импровизаторов Лилюха Неша и Османа Шапсугского. А уже к середине и во второй половине XIX столетия, по мере усиления военной экспансии русского царизма на Северном Кавказе, в народе стало появляться ещё больше поэтов, слагавших героические песни и песни-плачи о своих героях, мужественно защищавших свою землю и сложивших головы в неравной борьбе. С одной стороны, они своими произведениями воспитывали чувство патриотизма и стойкость на примере отваги выдающихся воинов, пока были ещё свежи в памяти их подвиги, с другой – параллельно шло, быть может, не до конца осознанное нравственно-философское и художественно-эстетическое осмысление исторических событий современной им эпохи. И это было, пожалуй, самым трудным в их творчестве, так как их искусство было тесно связано с конкретикой определённой событийности, иными словами, их творчество, при определённой свободе использования художественного вымысла, вынужденно ограничивалось

как содержанием, так и хронологией. И это, безусловно, не способствовало поиску действенных путей творчества в то время, когда «движение вперёд и художественные просчёты, мучительные раздумья и вызывающие радость завоевания ... составляют неотъемлемую особенность вдохновенного труда художника, ... который не просто фиксирует всё проходящее перед его умственным взором, а пылливо анализирует, отбирает, синтезирует» [2: 66]. С этой мыслью М.Б. Храпченко невозможно не согласиться, так как в любом художественном произведении, отражающем пусть даже маленькие в историческом плане события окружающей писателя действительности, не могут не ощущаться особенности индивидуального видения мира, присущие только данному художнику слова. Правда, у одного философско-эстетические обобщения получаются более глубокими, у другого – менее, что свидетельствует о наличии у каждого автора собственного видения мира, или, как отмечал И.С. Тургенев, собственного голоса. «Важно в литературном, - писал он, - ... да, впрочем, я думаю, и во всяком таланте, то, что я решился бы назвать *своим голосом*. Да, важен *свой голос*. Важны живые, особенные, *свои собственные ноты*, каких не найдется в горле у каждого из других людей... Для того, чтоб *так* сказать и *эту самую* ноту взять, надо иметь именно такое, особым образом устроенное горло. Это как у птиц ... В этом и есть главная отличительная черта живого оригинального таланта» (курсив везде И.С. Тургенева) [3: 712 – 713].

Так же, как и у сотен народов нашей страны, не имевших собственно национальной письменности до 20-х годов XX века, у народов Северного Кавказа и Абхазии философия человечности, идея первостепенности разума и гуманизма получила своё наиболее глубокое выражение в индивидуальном творчестве талантливых народных певцов и скази-

телей. Ими были в Дагестане – Сулейман Стальский, в Кабарде – Бекмурза Пачев, в Черкесии – Сагид Мижаев, в Абхазии – Жана Ачба, в Адыгее – Цуг Теучеж. Эти старцы, охватившие своим творчеством почти два столетия, отразили в нём несколько исторических эпох. Они испытали в своей жизни практически всё: и чувство безысходности от перенесённых обид из-за социальной несправедливости, и чувство надежды и горячей веры в торжество социально-экономического и духовного возрождения в современную им эпоху. Именно они стали подлинными выразителями исторически оправданных чаяний простых тружеников о добре и справедливости. Тем и ценны произведения народных поэтов. Ведь они стали связующим звеном прошлого и будущего, явились более профессионально состоятельным и организованным, более упорядоченным и систематизированным выражением художественного народного творчества, как бы квинтэссенцией художественной мысли народа, которая по самой природе своей несла здоровое начало, закладывая не только художественные, но и нравственно-эстетические и морально-этические основы зарождающихся младописьменных национальных литератур народов Северного Кавказа.

Что же касается собственно национальной письменной литературы, то в отличие от многих младописьменных профессиональных культур нашей страны адыгские литературы, возникшие, как мы уже отмечали, в 20-е годы прошлого столетия, в своём развитии прошли своеобразный путь. Он, прежде всего, заключался в особенностях освоения жанров. Так, если в адыгейской литературе конца 20-х годов XX века проза развивалась более интенсивно, то в родственных ей кабардинской и черкесской литературах в тот же период поэзия начинает своё развитие более быстрыми темпами, хотя адыгские народы, несмотря на некоторую географическую разобщённость, жили

в совершенно одинаковых социально-экономических условиях. Основой их быта и культуры всегда была единая духовность, и они веками шли через одни и те же социально-политические катаклизмы общественно-исторических периодов. Причиной такого различия путей и интенсивности освоения жанров могла быть особая идейно-эстетическая концепция каждого адыгского художника слова, вернее, несовпадение собственно-индивидуального видения мира в отображении особенностей эпохи в художественных произведениях теми или иными творческими приёмами с разной эмоциональной окраской, которые обязательно соответствовали определённой нравственно-эстетической системе взглядов самого писателя на окружающий мир с его противоречиями, с его достоинствами и недостатками. Именно поэтому те или иные художественные ценности, созданные его талантом, совершенно не похожи на те, что созданы другими художниками. Таким образом, художественные миры разных младописьменных писателей, возникшие в результате так называемого объективированного творческого акта, всегда своеобразны и индивидуальны, так как их создатели, бесспорно, являются различными творческими индивидуальностями.

Если, исследуя устно-поэтическое народное творчество адыгов, можно говорить о творческой индивидуальности таких мастеров художественного слова, как Бекмурза Пачев, Сагид Мижаев, Цуг Теучеж, заложивших определённое направление в адыгском устно-поэтическом творчестве, то в младописьменных адыгских литературах 30 – 40-х годов XX столетия уже совершенно уверенно можно говорить о неповторимой творческой индивидуальности Тембота Керашева, Али Шогенцукова, Магомед Дышекова, говоривших о них как о художниках слова, заложивших основы новых национальных литератур, своим творчеством со-

ставивших целое направление в системе художественно-эстетических ценностей горских народов Северного Кавказа. Герои произведений Т. Керашева, А. Шогенцукова, М. Дышекова, находящиеся и развивающиеся в одних и тех же исторических условиях, художественно отражающие знаковые явления и события одной и той же исторической эпохи, всё же сохраняют своеобразие и собственную, каждому из них присущую, индивидуальность, и каждый из них как характер, образ героя предстаёт в определённом, особом конкретно-художественном воплощении. И даже при глубокой идейной перекличке, разумеется рассматривая их в отрыве от господствовавшей в ту эпоху идеологии, их художественные характеры декларируют, хотя это может показаться странным, различные художественные истины. Ведь глубокий, талантливый писатель видит не только не доступную другим общность между созданным им характером, выстроенным в процессе сложных интеллектуальных, внутренне-эмоциональных и вместе с тем глубоко осмысленных взаимоотношений с окружающей действительностью, но и стремится запечатлеть одному ему доступными неповторимыми красками очень важное не только для него самого, но и для всего общества, состояние окружающего мира в определённую эпоху таким, каким его видит именно он, а не кто-либо другой. И эта творческая свобода писателя, право выбора художественно отобразить в своих произведениях только то, что он считает важным, несущим главную идейно-эстетическую и нравственную нагрузку данной исторической эпохи, и отображать её именно так, как он считает это необходимым, делают произведения художника, его творческую манеру не похожими на другие художественные системы. И в эпоху революций, интенсивного ускорения процесса развития социального и духовного самосознания адыгов практически в каждой личности

проявляется внутренняя необходимость как-то обозначить своё участие в возрождении народа. Народные певцы уже не хотят быть безвестными импровизаторами и при исполнении своих песен и сказаний стараются подчеркнуть имя автора. Такой подход к творчеству был исключительно важен потому, что он обозначал ответственность за продолжение и развитие уже устоявшихся художественных традиций, носивших личностный или именно характер, к проявлению которо-

го, совершенно бесспорно, были неравнодушны как авторы устных произведений (при всей бескорыстности большинства из них), так и молодые профессиональные творцы только что возникших письменных национальных литератур. Ведь в творчестве каждого из них своеобразно проступали и богатство устной поэзии, и национальная самобытность, и неповторимый поэтический талант, присущий только данному автору.

Примечания:

1. Арнаудов М. Психология литературного творчества. М.: Прогресс, 1970. 653 с.
2. Храпченко М.Б. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1981. 430 с.
3. Русские писатели о литературном труде: в 2 т. Т. 2. Л.: Сов. писатель, 1955. 756 с.

References:

1. Arnaudov M. Psychology of literary creativity. M.: Progress, 1970. 653 pp.
2. Khrapchenko M.B. Collected works: in 4 v. V. 3. M.: Khudozh. lit., 1981. 430 pp.
3. Russian writers on literary work: in 2 v. V. 2. L.: Sov. Writer, 1955. 756 pp.